
Фет А. Воспоминания / Предисл. Д. Благого. Сост. и прим. А. Тархова.
М.: Правда, 1983.
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnl@lib.ru>

I

Старайся почерпать из жизни-то людской!
Все ей живут, не всем она известна;
А где ни оглянись, повсюду интересна.

"Фауст"

Находясь, можно сказать, в природной вражде с хронологией, я буду выставлять годы событий только для соблюдения известной последовательности, нимало не отвечая за точность указаний, в которых руководствуюсь более соображением, чем памятью. Так, например, я знаю, что ранее 1840 г., т. е. до издания "Лирического Пантеона", я не мог быть своим человеком у московского профессора словесности С. П. Шевырева.

Во время одной из наших с ним бесед в его гостиной слуга доложил о приезде посетителя, на имя которого я не обратил внимания.

В комнату вошел высокого роста молодой человек, темно-русый, в модной тогда "листовской" прическе и в черном, до верху застегнутом, сюртуке. Так как появление его нисколько меня не интересовало, то в памяти моей не удержалось ни одного слова из их непродолжительной беседы; помню только, что молодой человек о чем-то просил профессора, и самое воспоминание об этой встрече, вероятно, совершенно изгладилось бы у меня из памяти, если бы по его уходе Степан Петрович не сказал: "какой странный этот Тургенев: на днях он явился с своей поэмой "Параша", а сегодня хлопочет о получении кафедры философии при Московском университете". Никогда в позднейшее время мне не случалось спросить Тургенева, помнит ли он эту нашу первую встречу. Равным образом не могу утверждать, приходил ли Тургенев предварительно к Шевыреву с рукописью "Параши", или уже с напечатанной поэмой, что не могло быть раньше 1843 г. Первое предположение, по моим воспоминаниям, вероятнее. Точно так же знаю наверное, что раньше 1848 г. я не мог приехать в домовый отпуск из полка, где был утвержден в должности полкового адъютанта, хотя и тут не могу вполне точно определить года, да и не считаю, с своей точки зрения, этого важным.

Дома меня встретил самый радушный прием. Хотя старик отец по принципу никому не высказывал своих одобрений, но бывшему эскадронному командиру видимо было приятно, что я занимаю в полку видное место.

В доме я застал меньшую нашу сестру Надю, недавно кончившую учение, - смолянку, совершенно неопытную, по наружности весьма интересную, пылкую и любознательную семнадцатилетнюю девушку. Хотя стихи мои около десяти лет уже были знакомы читателям хрестоматий, Надя едва ли не одна из целого семейства знала о моем стихотворстве и искала со мною бесед. Невзирая на кратковременное пребывание дома, я, с своей стороны, старался поддерживать ее любознательные и эстетические стремления; конечно, тайком от отца, считавшего Державина великим поэтом, а Пушкина безнравственным писателем, и ревновавшего втайне свою любимую Надю ко всякого рода сторонним влияниям.

Занятый устройством своих разбросанных имений, отец сам редко выезжал в гости и только охотно отпускал Надю в Волково к однофамильцам соседям за 12 верст, т. е. версты за три за город Мценск, от которого наши Новоселки в 7-ми верстах. Владелец Волкова был худощавый, боявшийся чахотки, но чрезвычайно подвижной, сорокалетний брюнет {107}. Воспитанник юнкерской школы, он, как и все его семейство, отлично говорил по-французски, знаком был со старой и новейшей французской литературой, а равно и с корифеями русской словесности. Но насколько мало в сущности занимала его литература, настолько в душе он был прирожденным музыкантом и по целым часам фантазировал на рояле, которым прекрасно владел. Женат он был на красивой в то время Каровой, от которой имел двух девочек и мальчика. Не без основания предполагаю, что молодая женщина гораздо более чем он и с большим толком предавалась чтению французских и русских книг. Кроме того, в доме проживала и мать Шеншина, не жившая с мужем. Последний, очевидно, любя свободу,